

*кандидат филологических наук,
доцент Николаевского
государственного университета
имени В.А.Сухомлинского*

"КАК МУЧИТЕЛЬНО БЫТЬ РУССКИМ...":

к вопросу о концепции национального характера в творчестве М. Горького

Заголовком нашей статьи послужило восклицание М. Горького из письма к В.Розанову по поводу только что прочитанного "Уединенного". Столетием ранее "Боже, как грустна наша Россия!", – вырвалось у Пушкина в ответ на прослушанные в чтении автора черновые главы "Мертвых душ". В этой переключке сквозная и большая для двух веков русской классики тема – тема России и русского человека.

"Россия для выдающихся (русских) писателей и тема – предмет художественного усвоения, и метод его, и цель, и способ <...>. Быть может, следует утверждать, что великие русские писатели не столько мыслили "образами", сколько "образом" – одним, единственным – России" [1, с.38].

Значимость названной проблемы для русского национального самосознания, выразившегося полнее всего в литературе, определила ее непреходящую актуальность для творчества Гоголя и Лескова, Достоевского и Чехова, Бунина и Блока. Отсюда традиционный в истории литературы исследовательский сюжет – постижение писателем тайны русского характера, особенности трактовки темы России. Одним из центральных является он и в горьковедении: автор "Детства", "Городка Окурова", очерков "По Руси" мыслил тему России, русского человека как программную для своего творчества.

В советский период, как известно, идеологизированная методология препятствовала объективному осмыслению горьковского наследия. Сегодня осознание того, что Горький парадоксальным образом остается в русской литературе XX века "белым пятном", побуждает исследователей пересмотреть устоявшиеся оценки и мнения [20, с.215]. В этом русле находится и наша попытка освободиться от некоторых стереотипов в понимании горьковской концепции русского национального характера.

В 1842 г. молодой Тургенев в служебной записке о русском хозяйстве и о русском крестьянине писал: "Мы народ не только европейский; мы недаром поставлены посредниками между Востоком и Западом; недаром наши границы касаются древней Европы, Китая и Северной Америки, трех самых различных выражений общества" [22, с.430]. Свое художественное воплощение эта мысль нашла в образах Хоря и Калиныча из одноименного очерка начинавшихся тогда "Записок охотника". Тургенев поставил рядом два начала, два основных типа – европейский (Хорь – "человек положительный, практичный, административная голова, рационалист") и восточный, созерцательный, мечтательный – Калиныч. Русский крестьянин для Тургенева настоящий русский человек, сохранивший свои национальные особенности в чистоте. Понимание этих особенностей с тем или иным знаком выразилось, как известно, в двух ведущих направлениях русской общественной мысли – западническом и славянофильском, образующих актуальную до сегодняшнего дня оппозицию – "восточного" / "западного", в координатах которой осознается национальный характер и судьба России.

Именно в этом ключе была прочитана Горьким в 1910 году бунинская "Деревня", заставлявшая задуматься, писал он автору, над "строгим вопросом – быть или не быть России".

Горькому, усвоившему марксистский взгляд на крестьянство как силу в обществе консервативно-реакционную, "бастион азиатчины", оказался близок антинароднический пафос "Деревни", жестокая правда Бунина о "загадках русской души". Бунинские размышления о мужике как национальном типе совпали с его собственными наблюдениями и выводами, побуждая вступить в творческий диалог с автором "Деревни" и "Суходола".

"Я затеял, – писал Горький издателю в 1912 году, – ряд очерков, (составивший впоследствии цикл "По Руси" – Н.В.). Мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их" [15, с.252]. Через 10 лет, уже после революции, Горький вновь обращается к этой теме: "Заметки из дневника", первоначально печатавшиеся под заглавием "Русские портреты", он хотел бы видеть, как признается в послесловии, "Книгой о русских людях, какими они были" [11, с.336]. Произведения 1910–20-х гг. стали реализацией этих художественных замыслов.

Горьковский образ России и русского человека, возникающий в "Городке Окурове", цикле "По Руси", "Русских сказках", автобиографической трилогии, серии очерков "О русском крестьянстве" и "Несвоевременных мыслях" не уступает бунинскому по беспощадности и бескомпромиссности художественного изображения и публицистических оценок.

Однако источники и цели критицизма национально-исторической мысли Горького были иные, о чем сказано будет дальше. Здесь же нам важно напомнить еще об одном, старшем современнике Горького, его литературном учителе В.Г. Короленко, чьи размышления о русском человеке в рассказе "Река играет" (1892) и очерке "Турчин и мы" (1913) были восприняты Горьким не только в высшей степени сочувственно, но стали ориентиром в поисках собственного понимания "хаотического бытия России". В короленковской характеристике – "стихийный, безалаберный, распущенный и вечно страдающий от похмельного недуга перевозчик Тюлин, – в этом "герое на час", в размышлениях писателя о "тоске" русских переселенцев в Румынии "по добродушно-варварскому турчину", привычке жить по своей степной "воле", неумении и нежелании принять пришедшие туда порядки "нового европейского демократического строя" – Горький "узнал" свои "оценки славянского характера" и "темных пятен славянской психики": "Когда читал (очерк "Турчин и мы" – Н.В.), то местами даже странно было: мои слова!" [15, с.86].

Тогда же Горький писал Короленко: "Река играет" – это любимый мой рассказ. Я думаю, что он очень помог мне в понимании "русской души" – души тех людей, которые, год поработав, – десять лет отдыхают в грязи и всяческом хаосе. Говорят, я довольно удачно читал рабочим реферат, темой которого была роль Тюлина в русской истории, – у меня вышло так, что и Минин, и Болотников, и Пугачев – все Тюлины!" [5, с.69-70]. О том же в 1899 году Горький говорил Репину: " Я <...> верю в национальность характера и считаю Тюлина у Короленко выражением национального русского характера. Тюлин на Ветлуге – это тот же Минин в истории – явился, сделал подвиг и – исчез, пропал, уснул" [14, с.81]. Своего "Тюлина" Горький, как известно, изобразил в рассказе "Ледоход", где Осип, староста плотницкой артели поначалу видится рассказчику "воеводой-человеком, который, идя впереди людей, заботливо, умно и властно вел их за собою", а спустя время, совершив опасный переход по тронувшемуся льду, "искренно поражен ненужностью и безумием сделанного им, бормочет покаянные слова..." [8, с.34].

"В целом, Русь" для Горького – "Тюлин снизу, а наверху Обломов" [5, с.95], являющиеся символом совершенно определенных архетипических национальных черт, того исторически обусловленного национального недуга, который восходит, по Горькому, к "азиатскому наследию" русской психики, "китайщине", как привычно именовал он лень, пессимизм, бездеятельность, анархизм и другие проявления "тяжелой восточной крови".

К 1915 году у Горького сложилось отчетливое представление о дихотомической структуре русского душевного строя (статья "Две души"): "У нас, у русских, две души: одна – от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что "Судьба всем делам судья", "Ты на земле, а Судьба на тебе", "Против Судьбы не пойдешь", а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы. Это слабосилие, эта способность легко разочаровываться, быстро уставать, объясняется, вероятно, нашим близким соседством с Азией, игом монголов, организацией Московского государства по типу азиатских деспотий и целым рядом подобных влияний, которые не могли не привить нам основных начал восточной психики <...>. Эти начала вызвали развитие жестокости, изуверства, мистико-анархических сект – скопчества, хлыстовства, бегунства, странничества, и вообще стремление к "уходу из жизни", а также развитие пьянства до чудовищных размеров" [4, с.202-203].

Противопоставляя "зараженную" Азией русскую душу европейской, "насквозь активной, неутомимой в работе, верующей только в силу разума, исследования, науки", – Горький декларирует главное положение своей антропологической концепции: "Отношение человека к деянию – вот что определяет его культурное значение, его ценность на земле" [4, с.197]. Он не раз повторял: "Любил и люблю людей действующих, активных, кои ценят и украшают жизнь хоть мало, хоть чем-нибудь, хоть мечтой о хорошей жизни" [6, с.148-149]. В этих ценностных координатах, определяемых горьковским культом человекобожества, сформировались и его писательское самосознание – быть "писателем активного настроения", и критерии оценки русской жизни и русского человека. Горький вдохновлялся мечтой о "дееспособном русском человеке" и, будучи по литературному воспитанию человеком 60-70-х гг., верящим в социально-воспитательную силу искусства и литературы [24, с.14], свою писательскую миссию видел в борьбе с "болезнями русского духа".

Он хотел, чтобы поскорее ушла в прошлое патриархальная Русь, чтобы поскорее "кончился стихийный человек" [15, с.136]. Отсюда – изначальная нормативность горьковской характерологии, питавшейся противопоставлением должного (европейской системы ценностей) негативному существу ("азиатским наследиям в нашей психике") и подчинявшейся, как уже сказано, социально-педагогической задаче. "Если я вижу, что моему народу свойственно тяготение к равенству в ничтожестве, тяготение, исходящее из дрянненькой азиатской догадки: быть ничтожным – проще, легче, безответственной, – если я это вижу, я должен сказать это", – писал Горький в "Несвоевременных мыслях" [7, с.85]. Та же посылка в "Детстве": "Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью отвечаю себе: стоит. Ибо это – живучая, подлая правда, которую надо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти и души человека, из всей жизни нашей, тяжелой и позорной" [9, с.376]. Повесть "Жизнь Матвея Кожемякина" Горький считал "национально нужной", содействующей преодолению инертного восприятия действительности [18, с.27].

Негативная доминанта в размышлениях Горького о судьбах русского национального характера была задана, как видим, непреходящей актуальностью этой проблемы для крестьянской страны, "в целях освещения ее путей к будущему". Приблизить это будущее, верил Горький, могла только революция. В день расстрела мирной демонстрации в Петербурге 9 января 1905 года Горький писал Е.П.Пешковой: "Итак – началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно поздравляю. Убитые – да не смущают – история перекрашивается в новые цвета только кровью" [15, с. 348]. Но уже через 12 лет, в 1917 году, когда жестокость и насилие станут "обыкновенным", "бытовым явлением", когда беззакония, убийства, самосуды, грабежи будут творить "самые обыкновенные русские люди

и даже, может быть, милые люди", именно то, что это люди "обыкновенные", покажется Горькому "самым страшным".

Революционные события резко актуализировали для Горького-социалиста вопрос о качестве "человеческого материала" вершителя освободительной революции, строителя новой жизни. "Хороший честный мастер, прежде чем сделать ту или иную вещь, научает, знает материал, с которым он хочет работать. Наши социальных дел мастера, писал Горький в марте 1918 года, имея в виду большевиков, затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное представление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладая знанием духовной среды, духовных свойств материала" [7, с.134-135]. И, несмотря на это, "слепые фанатики и бессовестные авантюристы", как называет в эти годы ленинцев Горький, "сломя голову мчатся, якобы по пути к "социальной революции"[7, с. 149]. Между тем "среда, в которой разыгралась и разыгрывается трагедия русской революции, это – среда полудиких людей" [19, с.40]. "Это психика людей, которые все еще не могут забыть, что 56 лет тому назад они были рабами, – и что каждый из них мог быть выпорот розгами, что они живут в стране, где безнаказанно возможны массовые погромы и убийства"[7, с.163].

Русские революции начала XX века обнажили для Горького всю незрелость и рыхлость национального характера, высвободившего неизжитый запас больных и разрушительных сил. Обращаясь к своим современникам, ужаснувшимся хаосу массовой психологии, Горький говорил: "Теперь, когда наш народ свободно развернул перед миром все богатства своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, звериной жестокости, мы начинаем кричать: – Не верим в народ! Уместно спросить неверов: – А во что же и почему вы раньше верили? Ведь все то, что теперь отталкивает вас от народа, было в нем и при Степане Разине, и Емельяне Пугачеве, в годы картофельных бунтов и холерных, в годы еврейских погромов и во время реакции 907-908 гг. Во что верили вы?" [7, с.134].

В 1917 году оправдались худшие опасения писателя, высказанные уже в окурковском цикле и "Жизни Матвея Кожемякина". Здесь тип уездного русского человека осознается именно в национально-историческом контексте, с точки зрения его гражданской состоятельности, готовности к историческому творчеству. Окурковщина в этом плане трактуется Горьким как национальная болезнь, своеобразная иллюстрация к публицистическим тезисам статьи "Две души". На самом дне русской жизни писатель чувствовал, говоря словами Евгении Мансуровой, одной из героинь "Жизни Матвея Кожемякина", "безмерное, глубочайшее и невозмутимое отчаяние". Жизненное кредо окурковцев, определяющее все их поведение, сводится к пассивному приятию своей земной "доли", судьбы, к рабски-суеверному преклонению перед стихийным ходом вещей, перед смертью. Окурковская разобщенность, зоологическая борьба всех против всех, патологическая косность и нежелание проникаться новыми социальными идеями соседствует в их нравах с эпизодическими вспышками анархического, нигилистического бунтарства. Таков Вавила Бурмистров – тип русского озорника, в понимании Горького, – "человек без стержня", подобный Мите Карамазову в широте чувств и поступков, способный на подвиги и предательство, на самопожертвование и убийство. Но если Достоевский находил в "широких" русских людях "горячее сердце", залог возможного нравственного возрождения, то Горькому русские "земляные" сильные люди открылись с "пустырем в душе", они нигилисты из озорства, не столько действующие, сколько испытующие: " а что будет, если я сделаю вот так?" "Я думаю, что нигде в мире нет столько преступников из любопытства, из желания ужаснуться пред собою, из озорства и т.д. – нигде, как у наших "сильных" людей", – скажет он спустя годы [6, с.594]. С такими русскими "испытателями" мы встречаемся в рассказе "Карамора", книге "Заметки из дневника. Воспоминания". Провокатор по кличке Карамора работает одновременно и на революционеров, и на охранку просто из любопытства: "Что же будет дальше?" Его мучит вопрос, почему, называя себя преступником, он "по совести не

чувствует преступления?" Психология провокаторства интересовала Горького как наиболее наглядная модель иррациональной вседозволенности. В письме к Р.Роллану, раскрывая замысел произведения, писатель сообщал: "Пишу о некоем русском герое, искреннем революционере, который в то же время, был искренним провокатором и посылал друзей своих на виселицу<...>. Он действительно совершал подвиги самоотвержения, но однажды ему "захотелось совершить подлость", как он дал объяснение, когда его судили. Мучает меня эта загадка – человеческая, русская душа. За 4 года революции она так страшно и так ярко вспыхнула. Что же – сгорит и останется только пепел – или?" [7, с. 274].

Сестрорецкий банщик, благообразный старик Степан Прохоров, рассказывает о том, как он стал преступником, чтобы проверить, есть ли в мире сила нравственного запрета: "Ночью сяду на койке, суну руки в колени и думаю: "Как же так, господин бог? Стало быть, вам все равно, как я живу? Ведь вот собираюсь я человека убить. Как же это?" Молчит господин бог"...

Другой "простой русский мужик" Меркулов – убийца с "хорошим", "иконописным" лицом своим объяснением мотивов преступлений вызвал в рассказчике "чувство страха пред человеком и за человека". Испугавшаяся за самое себя душа Меркулова все время "примеривалась": "ежели вот этого убить, – что будет?"

По Горькому, именно иррационализм массовой психологии, в целом, и отдельного русского человека, в частности, определил ужасающие акты насилия, "утонченной жестокости" в годы революции и гражданской войны.

Горький прямо заявляет: "Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа"[19, с.40-41]. Ее большую степень он приписывает – активнейшим – "чем действительнее, тем жесточе". "Кто жесточе – красные или белые? Вероятно, одинаково, потому что все они – и красные и белые – одинаково русские"[19, с.19]. Писатель становится в тупик перед равнодушием, с которым русские люди встретили разрушение Киево-Печерской лавры, выбрасывание мощей Сергия Радонежского, трагедию голода Поволжья.

Нравственная опустошенность, своеобразная "бесскелетность", "пустырь в душе", – по Горькому, как качество национального русского характера "штука куда более страшная, чем это чувствовал Ф.М.Достоевский." "Все нерусские сильные люди, – писал он О.Форш в 1926 г., – кажутся мне более крепко связанными изнутри, чем наши люди. А наши люди – вот: умница и прямодушнейший Савва Морозов, хороший друг мой, *искренний* революционер – застрелился. Савва Мамонтов, человек поразительной энергии, красавец по духу, поставивший на ноги <...> художников наших Васнецовых, Поленова, Врубеля, Шаляпина и еще многих – угодил в тюрьму как злостный банкрот, был забыт всеми, кому он делал великое добро, и умер в настроении Тимона Афинского...<...>. Н.А.Бугров, удельный князь нижегородский, обладатель капитала в 60 миллионов, филантроп, говорил мне в 1903 году: "Зря по земле бегаем, А.М., милый, и оттого бегаем, что стоять крепко не на чем". <...> Судостроитель Журавлев, знаменитый на Волге после того, как сын его Борис застрелился <...> сказал инженеру своему и приятелю: "Всю жизнь я суда строил, а пустыря в душе своей не мог застроить". Я мог бы показать вам еще десятка полтора таких же больших людей и все – с "пустырем" в душе. Присматривался я к ним очень зорко и – с любовью. Именно – с любовью"[6, с.594].

Одному из этих русских "сильных" людей –Н.А.Бугрову Горький посвятил специальный очерк. "Сильные"– значит у Горького энергичные, деловые и дельные, успешные, редкие, по его мнению, экземпляры русской породы люди. Богатый нижегородский купец поначалу представился писателю именно таким "европейским" по энергии и трудолюбию человеком: " мне казалось, что к труду он (Бугров – Н.В.) относится религиозно"<...> – черта драгоценная для автора. Однако в душе этого "нижегородского удельного князя" Горький

обнаруживает тот же знакомый ему русский "пустырь". Оказалось, "что Бугров не "фанатик дела", он говорит о труде догматически, как человек, которому необходимо с достоинством заполнить глубокую пустоту своей жизни, насытить ненасытную жадность душевной скуки"[11, с.228].

Своей экзистенциальной "русской тоской" (недоступной, как известно, пониманию иностранцев) горьковский Бугров напоминает нам героя рассказа И.Бунина "Соотечественник". На далеком Цейлоне писатель встретил брянского мужика Зотова, ставшего преуспевающим крупным дельцом, объехавшим полмира. При этом автор замечает в нем отсутствие чего-либо, напоминающего европейскую хватку, деловитость, методичность, устойчивость. В мимике лица, жестах, манере говорить автор видит беспричинную тревогу. Несмотря на все видимое благополучие и якобы захватывающую его кипучую деятельность, Зотова гложет все та же русская тоска, его мысли и душа в смятении, он подумывает о самоубийстве.

Склонный акцентировать в русском характере тяжелую историческую наследственность и ею объяснять национальные недуги, Горький порой заметно сближается с Буниным в фиксации метафизической составляющей русской души. Горьковские персонажи – богатые и бедные, босяки и купцы, мещане и мужики – все они как русские люди постоянно тягостятся жизнью, томятся скукой и потому способны в любую минуту на самые неожиданные, странные и никак не предсказуемые поступки – "озорство". Столяром Каллистратом (рассказ "Голубая жизнь"1924) в его нелепых выдумках и проказах движет *скука*: в день похорон матери он устроил свое юродивое представление – "вынес на улицу горшок сметаны и, макая в нее малярную кисть, стал мазать забор своего сада", отвечая любопытствующим спокойно и серьезно, что, мол, краски не нашлось. "Я люблю,- признается Каллистрат,- шум, кавардак, мне любезна всякая кутерьма и чтобы люди ходили вверх ногами". "Любезны" они были и самому автору, которого художнически неизменно привлекали в русских людях сильные, яркие, своевольные проявления человеческой природы, такие, какими наделил Горький фольклорного Ваську Буслаева, еретика, бунтаря, бросившего вызов самому Творцу. Горький признавал русский народ "по затейливости, по неожиданности изворотов,<...> по фигурности мысли и чувства" "самым благодарным материалом для художника": "даже дураки в России глупы оригинально, на свой лад, а лентяи положительно гениальны"[11,с.336]. Примечательно, что через 40 лет горьковскую мысль почти повторил Андрей Синявский, отметив русские "пороки и таланты мыслить и жить артистически при неумении налаживать повседневную жизнь как что-то вполне серьезное (зачем?, кому это нужно? надолго ли? Надоело! Сойдет и так!). В этом смысле – Россия – самая благоприятная почва для опыта и фантазий художника, хотя его жизненная судьба бывает подчас ужасна" [21, с.613].

Своенравие русского сильного характера одновременно притягивало Горького-писателя и отталкивало как проявление душевного анархизма, потенциально асоциального, неприемлемого для него как общественного деятеля, верящего в возможность социалистического переустройства России. В типе русского озорника у Горького есть явная нигилистическая подкладка. Ненависть русского "сильного" человека ко всяким социальным опорам, глубинная оскорбленность самим процессом бытия, некое онтологическое отчаяние негативно оценивалось Горьким именно с позиций идеала цивилизованного европейского труда и общежития. Контрастная соотнесенность окурковского цикла с "Итальянскими сказками" давно замечена исследователями. В национальном облике народа, в текущих событиях этой страны, в ее быту и обычаях Горький увидел живое выражение своих идеалов. Стачка трамвайщиков в Неаполе, помощь генуэзцев бастующей Парме, постройка Симплонского туннеля – в этих и других событиях Горький увидел торжество "молодой

демократии": сплоченность масс, активность их оптимистической позиции, уверенность в торжестве совместной работы и борьбы за счастье.

Наличие у Горького "европейского" эталона похода к бытию, своеобразной "нормы" в суждениях о национальном характере народа и отличало его национально-критические оценки от подобных бунинских, не предполагавших идеологических критериев.

Национальная составляющая характера интересовала Горького не только в рядовом русском человеке как выразителе массовой психологии, но и в выдающихся современниках, которым он посвятил серию литературных портретов. Заботясь о передаче неповторимой характерности личности Толстого, Короленко, Чехова, Ленина, Гарина-Михайловского, Красина, Горький неизменно помечает эту характерность национальным знаком. В этом качестве она выступает неким расширяющим содержание индивидуального образа началом, придающим ему знаменательный смысл. Так, жизненный путь Шалаяпина представляется Горькому "символическим", о чем он писал одному из своих корреспондентов: "Такие люди, каков он, являются для того, чтобы напомнить всем нам: вот как силен, красив, талантлив русский народ! <...>, чтобы петь всем людям о России, показать всем, как она – внутри, в глубине своей – талантлива и крупна, обаятельна" [15, с.187]. Эта мысль, в выражениях, выдающих бесспорное авторство Горького, встречается и в самом тексте шалаяпинской автобиографии: "Поверьте мне,- я говорю все это не для того, чтоб любоваться Федором Шалаяпиным <...>. Суть в том, что я – человек загнанной, замученной страны, страны, которая, несмотря на трудную жизнь свою, создала великое искусство, нужное всему миру, понимаемое всеми людьми земли! <...>

И не о Шалаяпине я рассказываю, а о русском человеке, которого люблю" [26, с.187].

Думается, что замысел биографического цикла питался, в числе прочего, и задачами социально-педагогического свойства, желанием "ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством", как сказал однажды Горький о цели Лескова в его очерках о "праведниках". В портретах "больших русских людей" Горький попытался создать образ положительного героя русской исторической действительности, критерием оценки которого служит знакомый нам горьковский идеал человека, Человека с большой буквы, воплощающий комплекс излюбленных Горьким "европейских", "западных" по природе, качеств, недостающих рядовому русскому человеку – воли, энергии, цельности и целеустремленности, трудолюбия, оптимизма... Автор в характеристиках героев очерков последовательно именует их "не русскими". В воспоминаниях о Ленине, применительно к которому и родилось у Горького понятие "Человек с большой буквы", "основная черта" вождя пролетариата – "воля к жизни и активная ненависть к мерзостям ее". Писатель называет эту черту "воинствующим оптимизмом материалиста" и определяет как "не русскую" [13, с.24]. Для Горького Ленин (в первом варианте очерка о вожде) "один из тех чудовищных, полусказочных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Петр Великий, Михайло Ломоносов, Лев Толстой" [3, с.150].

Леонид Красин – революционер-большевик представлен читателю в одноименном очерке "человеком по-русски обаятельным, но не по-русски энергичным" [13, с.53].

Любовь к труду и вера в его облагораживающую силу трактуется в воспоминаниях о Чехове как национально не характерные. "Русский любит энергию, но – плохо верит в нее <...>. Но Чехов – не очень русский в этом смысле.<...>. Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как А.П.<...> Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда" [10, с.57].

Напротив, Л.Толстой для Горького – "последний истинно русский человек" [18, с.215], "писатель национальный в самом истинном значении этого понятия" именно потому, что "воплотил в огромной душе своей все недостатки нации, все увечья, нанесенные нам

пытками истории нашей; его туманная проповедь "неделания", "непротивления злу" – проповедь пассивизма, это все нездоровое брожение старой русской крови, отравленной монгольским фатализмом и <...> химически враждебной Западу с его неустанной творческой работой, неуклонным, действенным сопротивлением злу жизни" [5, с.94].

В Толстом враждебный Горькому "учитель жизни" сочетался с гениальным, "богоподобным" человеком, "всегда возбуждавшим (у Горького) желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле! <...> Человек человечества" [10, с.112].

Самая противоречивость личности Толстого, "человека-оркестра" – яркое воплощение в понимании Горького иррациональной сложности национального характера, соединяющего "фантастическую талантливость" ("по-русски- широко талантлив" – формула, повторяющаяся в характеристике героев биографических очерков) с "темными пятнами славянской психики".

Если Русь грешная, вольная, "окаянная" ("наша Русь – самая веселая точка во Вселенной") [23, с.166], питала и восхищала Горького-художника, то взявший над ним верх в советские годы Горький – социальный мыслитель и общественный деятель – пошел на союз с большевиками, в конце жизни и со Сталиным, воодушевляясь их планами, как ему казалось, цивилизовать, европеизировать (индустриализация, коллективизация) косную крестьянскую, восточную русскую стихию. Решающую роль здесь, думается, сыграло упрощенно-просветительское понимание Горьким – самоучки в образовании – культуры, как цивилизации (то есть утилитаристского и плоско рационалистического перерождения культуры). В Горьком-западнике К. Чуковский в свое время опознал "пророка и предтечу" "элементарной эпохи элементарных идей и людей, которым никаких Достоевских не нужно, эпохи практики, индустрии, техники, внешней цивилизации, всякой неметафизической житейщины, всяческого накопления чисто физических благ" [25, с.362].

После революции Горький оказался современником второй после Петра I (с которым он, напомним, соотносил Ленина) исторически запоздалой (догоняющей) модернизации России.

На стороне большевиков, взявшихся за "социалистическое строительство", и Горького, их приветствовавшего, была объективная правда. Однако, как и раньше, приобщение русского человека к европейским благам на этот раз усилиями советской власти не означало усвоение европейских ценностей, главной из которых было и остается убеждение в самоценности человеческой личности и свободы.

Горький не понял этой очередной ловушки истории, сделавший русский национальный характер своим заложником.

В целом, творчество Горького, взятое под углом зрения нашей темы, – яркая веха на пути постижения русской литературой национального строя души, к попытке разгадать который обращаются все новые поколения писателей.

Література:

1. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. – Л.: Наука, 1975. – 184 с.
2. Горький М. В.И. Ленин. – М.-Л.: ГИХЛ., 1931. (В изданиях последних лет фраза "и это была в нем не русская черта" отсутствует).
3. Горький М. Владимир Ленин. //Русский современник, 1924. Цит. По кн.:
4. В.В. Мусатов. История русской литературы первой половины XX века. /советский период/. – М.: Высшая школа, 2001. – 310 с.
5. Горький М. Две души // Избранные страницы русской журналистики начала XX века. – М.: "ЧеРо", 2001. – 219 с.
6. Горький М. и В.Короленко. Сборник материалов. Переписка. Статьи. – М.: Гослитиздат, 1957. – 287 с.

7. Горький М. и советские писатели. Неизданная переписка // Лит. наследство. Т.70. – М.: Наука, 1963. – 736 с.
8. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. – М.: Сов. писатель, 1990. – 395 с.
9. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 7. – М.: Правда, 1979. – 398 с.
10. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 8. – 432 с.
11. Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. Т. 16. – 367 с.
12. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 15. – М.: Гослитиздат, 1951. – 43 с.
13. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. – М.: Гослитиздат, 1952. – 60 с.
14. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 17. – М.: Гослитиздат, 1952. – 580 с.
15. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. – М.: Гослитиздат, 1954. – 600 с.
16. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. – М.: Гослитиздат, 1955. – 671 с.
17. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. – М.: Гослитиздат, 1951. – 332 с.
18. Горький М. Статьи 1905-1916. – Пгр., 1918. – 208 с.
19. Горький М. Художественные произведения. Статьи. Заметки. // Архив А.М. Горького. Т. 12. – М.: Наука, 1969. – 434 с.
20. Горький. О русском крестьянстве. Берлин, 1922. – 230 с.
21. Парамонов Борис. Горький, белое пятно // След. – М.: Изд-во Независимая Газета, 2001. – 527 с.
22. Терц Абрам /Андрей Синявский/. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. – М.: СП "Старт", 1992. – 669 с.
23. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1978. – 623 с.
24. Федин Конст. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. – М.: Худож. лит., 1986. – 414 с.
25. Ходасевич Владислав. Воспоминания о Горьком. – М.: Правда, 1989. – 47 с.
26. Чуковский Корней. Две души Горького // Сочинения: в 2 т. Т. 2: Критические рассказы. – М.: Правда, 1990. – 620 с.
27. Шаляпин Ф.И. Т. 1. Литературное наследство. Письма. – М.: Искусство, 1959. – 767 с.

Анотація

Н. ВАРЧЕНКО. "ЯК БОЛІСНО БУТИ РОСІЯНИНОМ": ДО ПИТАННЯ ПРО КОНЦЕПЦІЮ НАЦІОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРУ В ТВОРЧОСТІ М.ГОРЬКОГО

Стаття присвячена аналізу концепції національного характеру у художній та публіцистичній творчості М.Горького. Авторка переглядає радянські стереотипи у підходах до цієї теми. Горьківська трактовка національного характеру співвідноситься у статті із розумінням російської душі Короленко та Буніним. В статті осмислюються витоки переважно негативної національно-історичної думки письменника, її пов'язаність із соціально-педагогічними завданнями його творчості.

Розглядом конкретних творів з'ясується зміст для Горького поняття "російський", його характерологічна функція. Звернення письменника до проблеми російської ментальності авторка трактує як вияв сьогоденності цієї проблеми для національної самосвідомості.

Ключові слова: національний характер, революція, російська душа, цивілізація, культура, соціалізм, Захід, Азія.

Аннотация

Н. ВАРЧЕНКО. "КАК МУЧИТЕЛЬНО БЫТЬ РУССКИМ...": К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ М.ГОРЬКОГО

Статья посвящена анализу концепции русского национального характера в художественном и публицистическом творчестве М.Горького. Автор пересматривает советские стереотипы в подходах к этой теме. Горьковская трактовка национального характера соотносится с пониманием русской души в произведениях Короленко и Бунина. В статье осмысляются истоки по преимуществу негативной национально-исторической мысли писателя, определяемой социально-педагогическими задачами его творчества.

На примере конкретных произведений устанавливается содержание для Горького понятия "русский", его характерологическая функция. Обращение Горького к проблеме русской ментальности трактуется автором как выражение ее актуальности для национального самосознания.

Annotation

N. VARCHENKO. "HOW TORMENTING IT IS TO BE A RUSSIAN...": TO THE PROBLEM OF CONCEPT OF THE NATIONAL CHARACTER IN M.GORKIY'S CREATIVE WORK

The article is devoted to analysis of conception of Russian national character in M.Gorkiy's creative and publicist works. The author reviews Soviet stereotypes in approaches to the theme.

The author correlates Gorkiy's understanding of the national character with understanding of Russian soul in Korolenko's and Bunin's works.

The article reviews sources of mainly negative national historic thought of the writer determined by social pedagogic tasks of his creative work.

On example of specific literary works the contents of notion "Russian" for Gorkiy, characteriological function is determined.

Gorkiy's appeal to the problem of Russian mentality is treated by the author as expression of its present day relevance for national self-consciousness.

Keywords: national character, revolution, Russian soul, civilization, culture, socialism, the West, Asia.